

КАКАЯ НИЗКОСТЬ

ПОКА МОСКВИЧИ ЖАЛОВАЛИСЬ НА ПОКАЗАВШИЕСЯ
ИМ НЕСТЕРПИМЫМИ МОРОЗЫ, НАШ РЕДАКТОР АНТОН
ЗОРКИН ВЗЯЛ ПАЛАТКУ И УМЧАЛСЯ НА СЕВЕР,
В ЛАПЛАНДИЮ, К РЕАЛЬНЫМ ХОЛОДАМ. ЕДВА
НЕ ЗАМЕРЗ, ЗАТО В ПОЛНОЙ МЕРЕ ИЗУЧИЛ
ВОЗДЕЙСТВИЕ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР НА СОЗНАНИЕ.

ТЕКСТ: АНТОН ЗОРКИН
ФОТО: ИВАН ДЕМЕНТИЕВСКИЙ

“Пускай толпа клеймит презрением наш неразгаданный союз”, — фотограф Ваня гладит заснеженную елку по худому стволу. К семейству сосновых он в эти дни относится с трепетом, снимает их на фото, говорит комплименты, а еще ищет одну, единственную и неповторимую, ель, на которой снег будет лежать так, как нужно для идеального кадра.

Так начинался наш третий день в зимнем лесу. Снег падает рваными клочьями. Время обеденное, около двух, но уже стемнело, по небу плывет ранняя луна. За полярным кругом светает около десяти утра, а темнеть начинается уже чуть после полудня.

Мы с Ваней — нежные теплокровные существа, как и все люди из отряда приматов. Городские обитатели, мы живем по строгому столичному жилищно-коммунальному стандарту, круглый год в наших квартирах от 18 до 25 градусов. Зимой тепловые электростанции заботливо обогревают наши жилища и офисы. Холод в городе — не смертельный враг, а легкое развлечение, повод после часовой прогулки в парке выложить фотографию в социальные сети: “На улице мороз, а в баре — вино”. И вот мы с Ваней решили бросить вызов холоду — забраться подальше на Север, прямо в его логово.

Чтобы уединиться с морозом, мы долетели до аэропорта Хельсинки, пересели на другой самолет и добрались до маленькой общины Киттиля в северной провинции — Лапландии. Потом мы проехали еще пару часов на автомобиле и высадились с рюкзаками где-то на обочине трассы. Место выбрали заранее: как показывал навигатор, на многие километры во все стороны нас окружал зимний лес. За четыре дня мы решили неторопливо пройти 30 километров и выйти к очередному изгибу трассы где-то у небольшой деревушки. Там нас должен был забрать усатый водитель Ристо.

МНЕНИЕ

Антонио Гаспарини из Лондонской школы гигиены и тропической медицины проанализировал почти 80 000 смертей в 13 странах за последние 30 лет и установил, что от холода умирает почти в двадцать раз больше людей, чем от жары.

Шагаем по лесу уже часов пять, а пройденное расстояние — жалкие пять километров. Мои фитнес-часы показывают какое-то гигантское количество сожженных калорий: около 600 за час. О, теперь я знаю, как быстро похудеть к лету! Устаем мы так, словно бежим марафон, а не медленно ползем по лесу. Все му виной нежный, невинный, блестящий, но очень, очень глубокий снег — по колено, по пояс, иногда еще выше. Не особенно помогают и снегоступы — проваливаемся все равно, хотя без них, вероятно, было бы еще хуже.

В рюкзаках, которые весят килограммов по пятнадцать каждый, мы тащим вот что: быстрорастворимые каши (20 пакетов), упаковку печенья, чай и сахар. По карманам распиханы зажигалки — легкий способ добыть огонь. Захватили еще газовую горелку с двумя баллонами, чтобы готовить еду и не тратить время на поиски дров: костер будем жечь, только чтобы согреться и сфотографироваться для репортажа. Еще у меня есть несколько таблеток сухого горючего и березовая кора для розжига, которую я добыл в лесу неподалеку от Киттиля. А в ботинки я положил химические грелки: маленькие пакетики, которые нагреваются до +50 градусов, купил таких несколько штук. Шагаю по сугробам, а ноги в тепле. Такое не снилось покорителям Севера. Я ужасно горд собой — умело использую достижения науки. Тысячи лет мороз выгонял с освоенных территорий, подчинял себе и уничтожал целые народы. Но в 2017 году холод — уже не проблема, так я думаю.

Стемнело быстро, словно кто-то погасил свет. Над головой разгорелась ледяная дуга северного сияния, звезды от холода задрожали в небе. Мы с Ваней залегли в палатке, в хороших спальниках, набитых пуховым наполнителем, который рассчитан на температуру до -40. Проснулся в пять ночи от того, что холод боязливо и, кажется, даже уважительно касался моих рук в перчатках, утепленных самой современной технологией. Поглубже завернулся в спальник и заснул опять.

Вселенная состоит из елей и сугробов. Сложно уже представить, что недавно я заходил в кафе с синими виниловыми обоями или сидел в желтый железный автомобиль такси. Такого разнообразия материалов и расцветок здесь просто не бывает. Мир вокруг нас выращен только в бело-темные цвета. Все, что есть на этой планете, — деревья и мелкие белые кристаллы льда, которые складываются в сугробы.

– Вань, тебе какие ели больше нравятся?

– Мне нравится гибкий стан и гладкая, блестящая кора. А важнее всего — характер. Чтобы ветвями по лицу не била. Помнишь, как с утра случилось? А если бы мне в глаз попала?

Кстати, Ваня не зря разволновался: как рассказывал мне Миша Ярин, эксперт журнала по выживанию, одна из самых частых травм в походах — не порезы от медвежьих когтей, как у Леонардо Ди Каприо в “Выжившем”. Очень часто в лесу люди получают увечья именно от веток.

Время обеда. Достая газовую горелку, зажигаю. Набираю в кастрюлю снега, туда же сыпаю быстрорастворимую кашу с клубничкой. Здесь, в снегах, кусочки фрукта, выросшего в тепле, кажутся чем-то необыкновенным.

Чувствую, как немеют нос и скулы, в первый раз в жизни задумываюсь о бороде, как у моих друзей-хипстеров. Борода, размышляю я, хорошо охраняет лицо от мороза. Я шагаю по хрустящему снегу, выплевываю отряды смелых снежинок, которые залетают в рот. Немного жмет левый ботинок. А впереди блестит на солнце дальний лес — там начинается петь пурга, качаются стройные ели, как после нескольких бокалов подряд.

Ночь опять свалилась на нас как-то неожиданно, словно кто-то накинул сверху черное одеяло. Мы лежим в палатке, я пытаюсь закутаться в спальник, а Ваня доедает последнее печенье — то, о котором я грезил весь вечер.

– Нужно бы тебя побить, Ванюша! — равнодушно сообщаю я, устраиваясь удобнее. Разумеется, вылезать ради мести из спальника, когда тот только-только начал нагреваться, — идиотская идея. Моя апатия, кстати, подтверждена учеными Университета штата Огайо (США): они, я читал, выяснили, что в странах с жарким климатом выше уровень преступности и количество криминальных случаев растет с увеличением температуры.

Я засыпаю, а на груди у меня, между майкой и кофтой, как ценные медали, лежат стельки от ботинок и влажные носки — старый проверенный способ высушить вещи в походе.

ФАКТ

Ученые Кембриджского университета (Великобритания) обнаружили у представителей коренных народов Сибири варианты генов, которые влияют на выживаемость в условиях холода.

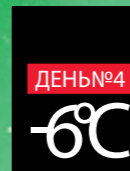
Термометр, который встроен в мой перочинный ножик, показывает -29 градусов, и эта цифра смотрится угрожающе. Это уже не просто цифра: что-то огромное и злое надвигается на нас. Мы уже привычно стоим по пояс в снегу и пытаемся отдышаться. Пульс снижается, сердце сбавляет обороты, не так энергично гонит теплую кровь по телу. Сразу же мороз накидывается на нас, как хищник, который долго таился в засаде. Холод играючи проникает мне под пуховик, тело жжет, словно на него льют горячей водой.

Но все это терпимо — главное, что у меня болит ступня, так, словно ее кто-то грызет большими зубами. В путешествие по лесам я отправился, надев свои любимые походные ботинки. В пути левый стал немного жать, но я не обратил внимания. Мелкая небрежность на морозе быстро стала вырастать в эпическую для меня трагедию. Знал же, что тесная обувь нарушает кровообращение, а на холоде это стремительно ведет к обморожению.

– У нас в армии под Воркутой парень ногу так потерял, а другой вообще насмерть на посту замерз. Ты смотри, для репортажа драма — это, может, и хорошо, но мне не хочется одному тащить назад твое бездыханное тело, нашу дорогую палатку и бесценные спальники, — мрачно информирует меня Ваня.

Время около часу дня. До точки, где нас заберет Ристо, еще километров десять, по такому снегу это шесть часов пути. Там же есть маленькая деревня, где, наверное, можно попросить помощи. Впрочем, совсем не факт, что моя нога доживет до этого момента, да и идти с такой болью трудно. Можно попытаться вызвать кого-то прямо сюда, по телефону, — поймав где-то сигнал мобильной связи, по пути он нам периодически попадает. Но кто сейчас пойдут к нам в ночи? Да и стыдно как-то бить тревогу — короче, решаем справиться своими силами, быстро обустроить лагерь и сделать для моей драгоценной ноги все, что в наших силах. Разжигаем костер, ставим палатку. Я забираюсь внутрь, мажу ногу мазью и надеваю сухие носки, грустно наблюдаю все признаки обморожения второй степени: пальцы покраснели, потемнели, покрылись волдырями. Ночь проходит беспокойно, нога болит, термометр безжалостно показывает -30.

А можно ли вообще приручить это ледяное нечто, размышляю я. Это оно во времена ледниковых периодов заставляло вымирать гигантских динозавров. А теперь, словно чудовищный древний монстр, бродит вокруг нашей палатки, ожидая, пока мы, люди, в чем-то ошибемся.

Все могло кончиться трагедией, но завершилось хеппи-эндом. К утру вдруг потеплело до -6 градусов, и холод из страшного мифического существа превратился в маленькое ручное животное, ну совсем как в городе. Наша экипировка снова стала непробиваемой броней, да такой, что мы даже расстегнули пуховики, чтобы окончательно не запариться. Ристо забрал нас к вечеру, до машины я доковылял сам. Пальцы на ноге болели еще пару недель, я мазал их мазью, но на этом неприятности кончились.

Вот и состоялась встреча с настоящим холодом, думал я, сидя в пикапе Ристо на обратном пути из леса. Встреча оказалась короткой, но я получил важный урок: в жизни нет мелочей, незначительной на первый взгляд небрежностью ты в любой момент можешь перечеркнуть все старания. И еще теперь я больше понял про холод, почувствовал, какой это сильный и серьезный противник. Хорошо запомнил: тело жжет все больше, температура воздуха падает. Появляется ледящее ощущение угрозы и опасности, словно смотришь не на градусник, а в дуло автомата. И пока ты смотришь в это дуло, Ваня в палатке храпит. ■

MH благодарит компанию Visit Finland (finpro.fi), Viking Travel (viking-travel.ru) и лично Александра Глазова за помощь в организации поездки.

ТЕМПЕРАТУРА

-89,2 — такое значение 21 июля 1983 года показал градусник на российской станции “Восток” в Антарктиде: это самая низкая температура из всех, что когда-либо фиксировали на нашей планете за всю историю метеонаблюдений.